

К. А. Мозгов

Значение литургического языка для участия церковного народа в богослужении

Многогранная задача осмысленного участия людей в храмовой молитве в данной статье рассматривается с точки зрения используемого при этом языка. В истории Русской православной церкви вопрос языка богослужения решался по-разному, и, несмотря на его серьезное обсуждение и предложения Великого Московского собора 1917–1918 гг., остается на сегодняшний день достаточно острым. Чтобы лучше увидеть и оценить существующие пути решения этой проблемы, предлагается обратиться не только к собственной истории, но и к опыту других славянских церквей в XX в., включивших национальный язык в богослужение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: участие в богослужении, богослужение на национальных языках, церковнославянский язык, богослужебные переводы, история богослужебных переводов, церковно-русский язык.

Вопрос о богослужебном языке уже неоднократно становился предметом дискуссии не только во внутрицерковном, но и в научном сообществе¹. В данной статье проблема богослужебного языка ставится в связи с задачами миссии как «постоянного служения Церкви по распространению и утверждению духа христианства...» [Кочетков, 6] и катехизации, предполагающей постепенное введение людей, обучающихся основам христианской веры, в литургическую традицию Православной церкви.

Вопрос богослужебного языка связан с проблемой восстановления в церкви святоотеческого принципа единства веры, молитвы и жизни, или триединого закона: *lex credendi, lex orandi*

1. См. подробнее, напр.: [Язык Церкви 1; Язык Церкви 2; Десницкий].

и *lex vivendi*². «Осмысленное участие человека в богослужении» святейший патриарх Кирилл считает одной из важнейших задач Православной церкви в настоящее время:

Мы должны делать все необходимое для того, чтобы служба Божия была понятна народу, чтобы люди в ней участвовали с разумением [Кирилл].

Христианству в принципе чужда идея сакрального языка³ и уже давно признано, что вопрос богослужебного языка не является вопросом догматическим⁴, однако на практике современный человек, приходя в церковь, до сих пор сталкивается с языковым барьером. Русская история и опыт других православных церквей дают нам разные примеры решения проблемы достижения большей понятности богослужебных текстов. Первые попытки книжной sprawy предпринял еще митрополит Московский Варлаам в первой половине XVI в.; затем этот вопрос обсуждался Стоглавым собором в 1551 г. Показательна в этом отношении 27 глава Стоглава «О святыхъ Иконахъ и о исправлении книжномъ»:

Да протопопомъ и старшимъ священникомъ избраннымъ, со всѣми священники, въ коемъждо градѣ, во всѣхъ святыхъ Церквахъ... которыя святыя будутъ книги, Евангеліи и Апостолы и Псалтыри, и прочія книги въ коейждо Церкви, суть обряцете неправленіи, описливы, и вы тѣ святыя книги съ добрыхъ переводовъ исправили бы соборнѣ, занеже священная правила о томъ запрещаютъ, и не повелѣваютъ неправедныхъ книгъ въ Церковь вносити, и ничто же по нихъ пѣти [Стоглавъ, 70].

Необходимость редактирования была обусловлена языковой ситуацией на Руси, однако критерии качества книжной sprawy в эту эпоху не обсуждались и выработаны не были, поэтому многое зависело от произвола писцов⁵.

2. См. об этом: [Гаврилюк, 56].

3. См. об этом также [Аверинцев 2000, 387]:

«...христианству изначально чужд концепт особого “сакрального” языка, на котором, и на нем одном, может говорить Откровение».

4. «На Юбилейном Соборе митр. Филарет сообщил, что Синодальная богословская комиссия признала, что для сохранения особого языка богослужения нет никаких оснований: “Можно ли вообще считать оправданным, с точки зрения веры в Боговоплощение, то противопоставление сакрального

и профанного языков, которое характерно скорее для нехристианских религиозных традиций?”

(Доклад председателя Синодальной богословской комиссии Русской Православной Церкви митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха Всея Беларуси, на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Москва, Храм Христа Спасителя, 13–16 августа 2000 года)» [Верховский, 207].

5. Подробнее см.: [Успенский, 36–37].

Б. И. Сове указывал на раскол в Русской церкви как одну из основных причин, остановивших прежде непрерывную работу по совершенствованию богослужебных текстов:

Трагическое явление старообрядческого раскола, возникшего в связи с исправлением богослужебных книг при патриархе Никоне, настолько потрясло Русскую Церковь и запугало церковную власть, что с конца XVII в. прекращаются ее заботы об улучшении богослужебного текста, которые являлись традиционными с конца XV в. и выражались в многократном, можно сказать, почти непрерывном исправлении текста московскими справщиками — монастырскими старцами и протопопами в XVI и XVII веках [Сове, 25].

В XVII в. возникают молитвенные последования для мирян, начинают издаваться различные сборники, например, включающие утреннее и вечернее правила, т. е. появляются молитвословы. В начале XVIII в. молитвослов уже складывается как закреплённый в своем составе сборник, дошедший в таком виде до настоящего времени. Традиция использования в личном молитвенном правиле богослужебных текстов суточного круга сохранилась только у старообрядцев, которые до сих пор вечером вычитывают малое повечерие. Если в литургической практике древней Руси имели место отдельные молитвы по разным поводам, то при митр. Петре (Могиле) возникают молебны. В Западно-русской митрополии начинают формироваться также первые Акафистники, получившие особенную популярность в XIX в. Пробразом для многих новых книг стали католические сборники для мирян, например, «Малая подорожная книжица» католика Франциска Скорины.

Следующая эпоха — XVIII–XIX вв. — эпоха стабильности и консервации того, что было сделано в XVII в. Своего рода литургический кризис этого периода приводит к тому, что благочестивое сознание ищет удовлетворения в новых паралитургических последованиях (акафисты, пассии, молебны и т. д.). Начинает складываться ситуация, расцвет которой описал в середине XX в. исповедник веры прот. Георгий Ивакин-Тревогин:

Из наблюдений над молящимися мы знаем, что в большинстве случаев они молятся сами по себе и почти никогда не вникают в чтения кафизм псалтыри [Ивакин-Тревогин, 104].

В начале XX в. вопрос о необходимости исправления сложившейся ситуации стал очевиден для многих священников и иерархов, ставших впоследствии исповедниками веры:

Пора, пора серьезно подумать о назревшей нужде — замене церковнославянского богослужебного языка — русским. Сама жизнь, потребность в религиозной осмысленности, необходимость сознательного в молитве общения с Богом — все это давно вопиет о живом, понятном для всех языке богослужения. Я только при наличии русского языка в богослужении увидел, что наше православное богослужение есть самая лучшая проповедь о всем деле нашего спасения. ...Затемнять это, предлагать в неясном и непонятном виде есть большая и вредная ошибка...

— писал свящ. Николай Пономарев в 1912 г. [*Пономарев, 696*].

В начале XX в. в связи с подготовкой Поместного собора РПЦ больше половины архиереев назвали в списке наиболее животрепещущих проблем непонятность богослужебного языка [*Отзывы; Кравецкий, Плетнева, 52–73*]. Необходимо отметить, что в то время вопрос о языке воспринимался не в догматической и не в канонической плоскости, а потому, несмотря на большой диапазон мнений — от предложения перевести все богослужение на современный русский язык до пожелания минимально отредактировать самые невразумительные и просто ошибочно переведенные места, — практически все признавали, что перемены в богослужебных книгах необходимы. На самом Соборе, на заседаниях отдела о богослужении, проповедничестве и храме, обсуждению этой проблемы было посвящено немало времени и даже был учрежден особый подотдел о богослужебном языке. Те 10 тезисов подотдела, которые были одобрены и переданы по установленному порядку в Соборный совет по обстоятельствам времени рассмотрены на нем не были. Однако «передача не рассмотренного Собором по существу, а стало быть и не принятого доклада в ВЦУ означала, что Святейший патриарх и Священный Синод могут по своему усмотрению и по мере надобности вводить в жизнь предложения отдела, но отнюдь не обязаны делать это» [*Балашов, 157*]. Видимо, именно этим руководствовался в 1930 г. патриарший местоблюститель митр. Сергей (Страгородский), разрешая о. Василию (в монашестве — Феофану) Адаменко из Нижнего Новгорода совершать богослужение на русском языке. Этот пример показал, что, несмотря на несовершенство переводов, они помогали людям глубже и серьезнее участвовать в богослужении.

Современные интернет-дискуссии также обращаются к вопросам понимания богослужения и указывают на опасности, вытекающие из разрыва веры и молитвы. Например, в одном из текстов, опубликованных на портале «Приходы», ставится вопрос, помогает ли нам церковнославянский язык уйти из современного поверхностного мира к Богу. Ведь главной проблемой современности стал уход от реальности, жизнь в виртуальном мире. Автор подчеркивает, что эту главную проблему церковнославянский язык не решает, а напротив усугубляет. Он точно так же способствует уходу от реальности, как и «Фейсбук», создавая свою особенную виртуальную реальность, не связанную с подлинной реальностью нашей жизни: «...Какая разница, чем заткнуть себе уши — наушниками от айфона или словами “николиже” и “непщевати”, — если через это не слышно, что Бог говорит тебе здесь и сейчас?» [Зайцева].

Проблемы с богослужебным языком знакомы и другим православным церквям. Для некоторых из них (причем не только для расположенных на славянских землях) долгое время основным и единственным языком церковной молитвы оставался церковнославянский. Церковнославянский язык в разное время был признанным богослужебным языком в Русской, Сербской, Украинской, Белорусской, Польской, Чешской, Словацкой и Румынской церквях. В Румынии, например, церковь перешла с церковнославянского на румынский лишь в конце XVI — начале XVII вв., во многом благодаря прозелитической деятельности кальвинистов и лютеран и разумной реакции на нее православной иерархии, в частности деятельности митр. Симеона (Стефана).

Использование национального языка в той или иной степени возможно сегодня в болгарской, македонской, сербской, польской, чешской и украинской православных церквях. Даже славяне, включая тех, чей родной язык по своему происхождению относится к той же южной ветви славянских языков, что и церковнославянский, и кому, таким образом, он должен быть роднее и понятнее, чем кому бы то ни было, в XX в. были вынуждены признать невозможность продолжать совершать богослужение лишь на нем⁶.

6. «На самом деле, современным богослужебным языком Болгарской православной церкви является церковнославянский. Действительно, это мертвый язык, ни один народ не использует его в

живой речи. Он представляет из себя застывшую русскую редакцию XVII века языка староболгарского» [Енев 1]. (Здесь и далее перевод со славянских языков мой. — К. М.).

Тема национального языка богослужения в Чешской церкви имеет долгую историю. Как отмечает о. Горазд (Вопатрный), на нынешних чешских (моравских) землях славянское богослужение, введенное свв. Кириллом и Мефодием, было запрещено папой Римским Стефаном V в булле *Quia te zelo fidei*. О необходимости иметь Писание и богослужение на понятном народу языке говорил Ян Гус. Он не только перевел на чешский язык Библию, но и отстаивал право чехов на богослужение на родном — чешском — языке, апеллируя при этом именно к кирилло-мефодиевской традиции. Этот же вопрос во многом определил решение чешских католиков покинуть Римскую католическую церковь. В 1919 г. в Рим была отправлена делегация, попросившая у папы Бенедикта XV для чешских католиков «отмены celibата и разрешения совершать богослужение на чешском языке» [*Vopatrný*, 87]. Не получив от папы положительного ответа, тысячи чехов покинули католическую церковь и перешли в основанную в 1920 г. Народную Чехословацкую церковь, совершавшую богослужение по-чешски. Сегодня эта так называемая Гуситская церковь остается в Чехии самой многочисленной.

Тема богослужения на национальном языке в Болгарской православной церкви была поднята в начале XX в. Первые переводы богослужения на болгарский язык были опубликованы Охридским митрополитом Борисом в 1908 г. (Требник) и 1910 г. (параллельный церковнославянско-болгарский Служебник). В 20-е гг. XX в. была опубликована Синодальная Библия на современном болгарском языке, а вслед за ней Апостол, Паремийник, Часослов, Акафистник и Молитвенник [*Енев 1*].

Церковно-Народный собор Болгарской православной церкви под председательством патр. Максима в 1998 г. официально разрешил чтение и пение в храмах на современном болгарском языке. С тех пор в Болгарии нет никаких формальных препятствий для желающих служить по-болгарски. При этом сторонники богослужения на новоболгарском языке обращаются именно к традиции свв. Кирилла и Мефодия:

Итак, оставим предрассудки, воспользуемся свободой и будем православными. Последуем примеру свв. братьев Кирилла и Мефодия, которые некогда приобщили славян к Церкви известным нам способом — через язык. Не будем робеть перед фальшивыми и псевдоболгарскими взглядами, которые делают священным церковнославянский язык и не будем лицемерить, притворяясь, что понимаем богослужебный текст. Мы же не хо-

тим, чтобы люди входили в храм со словарем и пособием по грамматике подмышкой... [Енев 2].

Необходимость перейти на богослужение на национальном языке в Сербской православной церкви (СПЦ) также начала обсуждаться более ста лет назад. В итоге возможность совершать богослужение как на церковнославянском, так и на сербском языке существует в Сербии уже почти пятьдесят лет. Такое положение в сегодняшней СПЦ — плод многолетних трудов и еще более долгой дискуссии, начало которой относится к 60-м годам XIX в. Тогда рассматривалась возможность выбора в церкви одного из трех богослужбных языков — сербскославянского (имевшего в Сербии многовековую историю), церковнославянского языка русской редакции (насиленно введенного в Сербии в XVIII в. под давлением Российской империи) и современного сербского языка. Сторонники каждой позиции в этой полемике допускали порой весьма радикальные высказывания. Например, прот. Стефан Димитриевич считал, что церковнославянский «поддерживает высший, таинственный смысл богослужения», а потому от него невозможно отказаться по крайней мере в «тайносовершительных формулах»⁷. С другой стороны, сторонник сербского богослужения прот. Милош Анджелкович утверждал, что «любое богослужение, совершаемое не на народном языке, не добивается своей цели»⁸.

Профессор богословского факультета СПЦ в Белграде Ксения Кончаревич обращает внимание на то, что:

...Высшие органы Сербской Православной Церкви никогда не выступали за радикальные решения, т. е. они не одобряли полный переход на сербский язык и выход церковнославянского из употребления, и вместе с тем им была далека и позиция об исключительности и обязательности церковнославянского богослужения. Доклады митрополита Загребского Дамаскина (Грданичкого) Священному синоду и Собору (1963 г.) и соответствующее распоряжение Синода (1964 г.) предлагают весьма умеренные решения для частичного введения в богослужбное употребление сербского языка [Кончаревич 2003].

Такая позиция совершенно не противоречит предложениям сторонников сербизации богослужения, понимавших предстоя-

7. Цит. по: [Кончаревич 2003].

8. Цит. по: [Кончаревич 2003].

ший объем работ и потому предлагавших принцип постепенности переводческой работы. Разумеется, здесь важно правильно расставить приоритеты, и, выбирая между предложением начать с основных текстов или сначала переводить наиболее редко звучащие молитвы, в сербской церкви предпочли первое, как предлагал, например, Д. Чонич: начать работу с перевода Священного писания Ветхого и Нового завета, затем Требника, Часослова, Службника, а после Октоиха, Сборника церковных песнопений и Минеи⁹.

В результате сегодня священники в Сербской церкви пользуются полной свободой выбора богослужебного языка (включая возможность их сочетания в одном богослужении)¹⁰.

Подводя некоторые итоги после первых десятилетий опыта параллельного функционирования сербского и церковнославянского языков в сербской среде, К. Кончаревич задается вопросом об отношении современного поколения верующих к такому положению дел в СПЦ:

Какому языку сербские верующие отдают предпочтение? Большинство высказалось за комбинированные богослужения (57,8 %), 20,8 % за церковнославянский и 20 % за сербский. О перспективе двух богослужебных языков мнения следующие: подавляющее большинство опрошенных (71,8 %) считает, что оба языка — сербский и церковнославянский — останутся в богослужебном употреблении, а 24,6 % думают, что церковнославянский постепенно выйдет из употребления [Кончаревич 2003].

Что же касается использования переводов богослужения на сербский язык, то большинству опрошенных (78,2 %) наиболее приемлемым кажется издание книг с параллельным текстом на обоих языках¹¹.

Продолжая сегодня дискуссию о введении в практику РПЦ богослужения на родном языке, стоит обратить внимание на опыт

9. Цит. по: [Кончаревич 2003].

10. «Предпочтение того или иного решения во многом обуславливается конкретными условиями, т. е. зависит от специфических местных особенностей и характеристик среды: так, в диаспоре и в местах с многонациональным составом населения служат преимущественно по-сербски, в духовных школах и в монастырях — преимущественно по-славянски. Выбор языка зависит и от характеристик конкретной структурной части богослужения: элементы с ярко выраженной дидактической функцией — апостольское и евангельское чтение,

а также совместные моления — произносятся преимущественно на сербском языке, тогда как элементы с функцией величания, возношения хвалы — антифоны, изобразительные псалмы, тропари, кондаки, богослужебные гимны — главным образом остаются на церковнославянском языке» [Кончаревич 2003].

11. К. Кончаревич приводит данные статистического опроса, проведенного ее аспиранткой Р. Баич в 2001 г. среди верующих разных возрастных и профессиональных категорий из Сербии, Черногории, Сербской республики и сербской диаспоры.

тех православных церквей, которые на практике в течение ряда лет решают эту проблему. Этот опыт позволяет выявить как сильные, так и слабые стороны этого процесса. Так, если в Сербской церкви введение богослужения на современном родном языке позволило привлечь людей и активизировать церковную жизнь, то в Болгарии храмы по-прежнему пустуют. В лавках при храме практически ничего не найти, кроме свечей и икон. Это лишней раз показывает, что молитва на родном языке еще не решает всех проблем церковной жизни и только изменение языка не наполняет храмы людьми. Есть и не менее весомые причины внеязыкового характера. Как уже не раз говорилось, востребованность проповеди и богослужения на родном языке во многом определяется общей обстановкой и атмосферой церковной жизни. Если Анафора не будет читаться вслух, то переводы, учитывая затраты на их создание, окажутся неоправданной роскошью. Но если всерьез задумываться о включении верующих в молитву (или о миссионерском значении богослужения), то вопрос языка обойти невозможно, поэтому он приносит хорошие плоды именно в сочетании с катехизацией и другой просветительской деятельностью.

Определение Архиерейского собора РПЦ 1994 г. гласит:

Собор считает исключительно важным глубокое изучение вопроса о возрождении миссионерского воздействия православного богослужения. В связи с тем, что развитие литургической жизни в нашей Церкви практически остановилось в первые послереволюционные годы, а большинство жителей наших стран безвозвратно утратило традиционную для прошлых веков культуру, представляется необходимым сделать более доступным их пониманию смысл священнодействий и богослужебных текстов, хранящих в себе величайшую боговдохновенную мудрость и могущих быть действенными средствами православного образования и воспитания [*Определение*].

С тех пор к этому вопросу на официальном уровне практически не обращались.

Здесь коротко стоит вспомнить, что несколько лет назад для обсуждения был предложен проект документа «Церковнославянский язык в жизни Русской православной церкви XXI века» [*Церковнославянский*]. Однако если аналогичные документы, подготовленные Межсоборным присутствием, например, о современной миссии или даже церковном управлении, собрали

всего несколько комментариев, то здесь в считанные дни комментарии стали исчисляться сотнями, хотя сам текст, пусть и вызывал некоторые вопросы (например, когда речь шла о первых переводах равноапостольных Кирилла и Мефодия, которые, как известно, переводили не на церковнославянский, сложившийся не раньше XI в., а на старославянский язык, и пр.), в целом ничего радикального в себе не содержал¹². Можно было бы только приветствовать предложение создать «Священным Синодом рабочий орган с участием иерархов, клириков, литургистов, историков и филологов». Хотелось бы, конечно, чтобы этот орган мог использовать не только «литургические и филологические изыскания XIX — начала XX вв.», но и более современные работы как русских¹³, так и сербских авторов¹⁴.

В документе аккуратно отмечалась возможность замены «полностью малопонятных церковнославянских слов, а также тех слов, которые в современном русском языке имеют принципиально иное значение по сравнению с церковнославянским». Не проясненным остается вопрос, относится ли русский язык к национальным языкам: если в п. i. он попадает в число таковых, то, получается, что он должен быть и там, где упоминаются «богослужбные тексты и на национальных языках» (п. ii.).

Тем не менее большая часть комментариев относилась не столько к содержанию текста, сколько выражала требование вообще не прикасаться к священному языку. Они были услышаны, и документ с рассмотрения был снят.

Разумеется, когда речь идет о необходимости ввести в богослужбное употребление живой русский язык, то никто не говорит о замене возвышенного церковнославянского бытовым (и лишь поэтому понятным) разговорным русским или корявым подстрочником. Эту подмену часто используют в своей аргументации сторонники неприкосновенности церковнославянского языка.

Уже отмечалось, что в Сербской церкви почти 80 % опрошенных предпочитают иметь богослужбные книги на двух языках. Это действительно один из путей решения проблемы. На сегодня

12. Подробнее см.: «Стану молиться духом, стану молиться и умом»: Комментарий Кирилла Мозгова, преподавателя Свято-Филаретовского института, к проекту документа «Церковнославянский язык в жизни Русской Православной церкви XXI века». URL: <https://sfi.ru/sfi-today/publication/>

stanu-molitsya-duhom-stanu-molitsya-i-umom.html (дата обращения: 22.06.2018).

13. См., напр.: [Михаил (Мудьюгин); Кравецкий, Плетнева; Язык Церкви 3].

14. См. об этом: [Бајић; Кончаревич 2014; Левушкина].

нышний день и в Русской церкви существует целый ряд двуязычных изданий, не считая небольших распечаток литургических чтений или отдельных песнопений, которые могут раздаваться прихожанам в отдельных храмах на службах.

Об этом же говорил недавно и святейший патриарх Кирилл:

Можно приветствовать предпринимаемые на приходах Первопрестольного града усилия по обеспечению прихожан богослужебными текстами, иногда с параллельным переводом или пояснениями, установке средств звукоусиления в храме и при необходимости трансляции за его стены для облегчения понимания богослужения людьми. Все это уже делается на многих приходах, и было бы правильно, чтобы удачный опыт одних церковных общин заимствовался другими [Доклад].

Говоря о современных богослужебных переводах¹⁵, В. Вукашинович пишет:

Вопрос литургического языка не решается только на уровне выбора между современным или традиционным языком богослужения. Возникает другая проблема: какой вид современного языка соответствует богослужению Церкви? [Вукашинович, 182].

Это снова напоминает нам о необходимости решать вопрос комплексно, обращаясь как к исторической литургике, так и к пастырскому богословию. Предлагаемые сегодня переводы (осуществленные, например, академиком С. С. Аверинцевым [Аверинцев 2005] и переводческим коллективом Свято-Филаретовского православно-христианского института¹⁶), в отличие от многих предыдущих, ориентированы как раз на то, чтобы по ним можно было совершать богослужение. В них за основу взят не современный разговорный язык, а верхние лексические, стилистические и прочие пласты русского языка. Задача таких переводов вполне согласуется с Кирилло-Мефодиевской традицией — выработать, сформировать особый литургический стиль русского языка, или церковно-русский язык, используя все на-

15. На сегодняшний день существует уже несколько таких переводов.

16. Православное богослужение : В переводе с греческого и церковнославянского языков. Кн. 1–7. М. : СФИ, 2007–2010.

копленное к сегодняшнему дню богатство русского литературного языка. Конечно, эта работа никак не может считаться завершенной, она еще требует более детального рассмотрения, но сам факт создания именно таких переводов уже свидетельствует о том, что и в Русской церкви процесс литургического возрождения, основанный на обращении к православному преданию и традиции святых, не только не угас, но и приносит весьма достойные плоды.

Источники и литература

1. *Аверинцев 2000* = Аверинцев С. С. Слово Божие и слово человеческое // София–Логос : Словарь. К. : Дух и Литера, 2000. С. 382–391.
2. *Аверинцев 2005* = Избранные псалмы / Пер., комм. С. С. Аверинцева. М. : СФИ, 2005. 171, [4] с. : ил.
3. *Балашов* = Балашов Николай, прот. На пути к литургическому возрождению. М. : Культурно-просветительский центр «Духовная Библиотека», 2001. 510 с.
4. *Бајић* = Бајић Р. Богослужбени језик у Српској православној цркви : Прошлост, савремено стање, перспективе. Београд : Манастир Бањска и Институт за српски језик САНУ, 2007. 415 с.
5. *Верховский* = Верховский А. М. Политическое православие : Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995–2001 гг. М. : Центр «Сова», 2003. 316 с.
6. *Вукашинович* = Вукашинович В. Литургическое возрождение в XX веке / Пер. с серб. В. Белова. [Б. м.] : Христианская Россия, 2005. 237 с.
7. *Гаврилюк* = Гаврилюк П. История катехизации в древней церкви. М. : Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 2001. 320 с., цв. илл.
8. *Десницкий* = Десницкий А. С. Богослужебный язык Российской Церкви (опыт критического обзора одной дискуссии). URL: <http://www.slavdict.ru/art09.htm> (дата обращения: 01.08.2018).
9. *Доклад* = Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (21 декабря 2017 года). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5085962.html> (дата обращения: 6.06.2018).
10. *Енев 1* = Енев Д. Да се модернизира ли езикът на богослужението? URL: <https://www.pravoslavie.bg/анализи/да-се-модернизира-ли-езикът-на-богослу/> (дата обращения: 01.06.2018).
11. *Енев 2* = Енев Д. На каком языке молится современный болгарин? URL: <http://www.dveri.bg/content/view/1329/172/> (дата обращения: 01.06.2018.).

12. *Зайцева* = Зайцева Т. Русский язык как выход в реальность. URL: <https://prichod.ru/aktualniye-voprosy/14691/> (дата обращения: 22.06.2018).
13. *Ивакин-Тревогин* = Ивакин-Тревогин Георгий, прот. О переводе богослужебных книг на русский язык // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2018. Вып. 25. С. 103–119.
14. *Кирилл* = Святейший Патриарх Кирилл: Мы должны делать все необходимое для того, чтобы служба Божия была понятна народу. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5086523.html> (дата обращения: 10.06.2018).
15. *Кончаревич 2003* = Кончаревич К. Дискуссия о богослужебном языке в Сербской православной церкви. URL: <http://krotov.info/history/20/1990/koncharevich.html> (дата обращения: 06.06.2018).
16. *Кончаревич 2014* = Кончаревич К. Вопрос о богослужебном языке и литургическое возрождение в сербской церкви XIX–XX вв. // Православие в славянском мире: история, культура, язык / Под ред. Е. А. Потехиной и А. Г. Кравецкого. Olsztyn, 2014. С. 211–227. (Fontes Slavia Orthodoxa).
17. *Кочетков* = А. (Кочетков Георгий, свящ.). Крещение Руси и развитие русской миссии // Вестник РХД. 1989. № 156. С. 5–44.
18. *Кравецкий, Плетнева* = Кравецкий А. Г., Плетнева А. А. История церковнославянского языка в России (конец XIX–XX в.). М. : Языки русской культуры, 2001. 398 с.
19. *Левушкина* = Левушкина Р. Вопросы восприятия богослужебного языка в Сербской православной церкви // Православие в славянском мире: история, культура, язык / Под ред. Е. А. Потехиной и А. Г. Кравецкого. Olsztyn, 2014. С. 228–236. (Fontes Slavia Orthodoxa).
20. *Михаил (Мудьюгин)* = Михаил (Мудьюгин), архиеп. К вопросу о богослужебном языке Русской православной церкви // Язык Церкви. Вып. 1. М. : Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. С. 61–67.
21. *Определение* = Определение «О православной миссии в современном мире» [Архиерейский Собор 1994 г.]. URL: <http://sobor.patriarchia.ru/db/text/527258.html> (дата обращения: 01.06.2018).
22. *Отзывы* = Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 1–2. М., 2004.
23. *Пономарев* = Пономарев Николай, свящ. О церковно-богослужебном языке // Самарские епархиальные ведомости. 1912. № 23. С. 692–696.
24. *Сове* = Сове Б. И. Проблема исправления богослужебных книг в России в XIX–XX веках // Богословские труды. 1970. № 5. С. 25–68.
25. *Стоглавъ* = Стоглавъ. Соборъ бывшій въ Москвѣ при великомъ государѣ царѣ и великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ (въ лѣто 7059). Лондон : Trübner & Co, 1860. 256 с.

26. *Успенский* = Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 239 с.
27. *Церковнославянский* = Церковнославянский язык в жизни Русской православной церкви XXI века. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1542499.html> (дата обращения: 01.06.2018).
28. *Язык Церкви 1* = Язык Церкви. Вып. 1. М. : Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. 100 с.
29. *Язык Церкви 2* = Язык Церкви. Вып. 2. М. : Свято-Филаретовская московская высшая православно-христианская школа, 1997. 117 с.
30. *Язык Церкви 3* = Язык Церкви. Вып. 3. М. : СФИ, 2004. 325 с.
31. *Vopatrný* = Vopatrný G. Dědictví otců: Osudy svaté pravoslavné víry na území bývalého Československa. Praha : Knižní dílna Rubato, 1999. 167 s.

K. A. Mozgov

The Significance of Liturgical Language for Engaging Church People in Worship

The multifaceted objective of meaningful participation of people in church prayer is considered in this article in relation to the used language. In the history of the Russian Orthodox Church, the issue of liturgical language was addressed in different ways. Despite the serious debates and suggestions at the 1917–1918 Great Moscow Council, this problem remains quite pressing today. In order to better approach and to evaluate existing solutions, it is recommended to refer not only to the history of the Russian Orthodox Church but also to the experience of other Slavic churches in the XX century that introduced their national languages in worship.

KEYWORDS: participation in worship, divine service in national languages, Church Slavonic language, liturgical translations, history of liturgical translations.